

плекс усадьбы и конского рынка с центральной площадью Рынок и пересекают канал, по берегам которого расположены еврейские пивоварни. К улице Могильной примыкает участок, где размещены костел, плебания и кладбище.

В целом план пронизывает дух французского классицизма с характерными для него чертами рассудочности, ясности и четкости построений, преобладанием планиметрического подхода над объемным. Городской ансамбль Крынок понимается как регулярное градостроительное целое и представляет собой типичный образец умозрительной картезианской геометрии. В построении плана доминируют светские здания – ратуша, дворец, гостиница, трактир, что характерно для эпохи Просвещения. Культовые же постройки помещены на второстепенные места – в стороне от главных площадей, а подчас, как это случилось со зданием костела, они оказывались как бы выключенными из регулярного построения плана. Основным монументальным зданиям города присуще островное расположение, рассчитанное на обход и обозрение со всех сторон, что также характерно для архитектуры классицизма.

В планировке Крынок ощутимо в некоторой степени использование традиционных для региона приемов. К ним относится обстройка площадей и улиц цепочками одноэтажных домов, что придавало камерный масштаб застройке. Сами же деревянные дома с каменной передней стенкой, которая должна выполняться, как писалось в пояснении к плану, «из прусского мура» [11], были идентичны домам в Поставах и на Городнице. Это свидетельствует о том, что план составил зодчий, знающий архитектуру края.

Планы Крынок и Лососни занимают в истории градостроительства Речи Посполитой особое место. В них впервые использованы приемы регулярного французского градостроительства. Проект же Крынок – это первый в Речи Посполитой «идеальный» план города на радиальной основе и единственный известный нам проектный замысел целого города в архитектуре станиславовского периода. В стилистическом развитии архитектура королевских мануфактур повторила путь, прошедший польским зодчеством в XVIII столетии – от позднего барокко, создаваемого при активном участии зодчих Дрездена, к классицизму, ориентированному на французские образцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибянский, И.Г. Граф Антоний Тызенгауз и гродненские королевские мануфактуры / И.Г. Гибянский // Труды студентов экономического отделения Петроградского Политехнич. института Императора Петра Великого – Петроград, 1916. – Вып. 19. – С. 1 – 64.
2. Квитницкая, Е.Д. Строительство Тызенгауза в Гродно / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследие. – Вып. 11. – М.: Гос. изд-во лит-ры по строит., арх-ре и строит. материалам, 1959. – С. 21 – 42.
3. Hentschel, W. Die sächsische Baukunst des 18. Jahrhunderts in Polen / W. Hentschel. – Berlin: Kunst und Gesellschaft, 1967. – 546 s.
4. Морозов, В.Ф. Гражданская и монументальная архитектура Беларуси. Классицизм / В.Ф. Морозов // Архитектура Беларуси: нарсы звалюціі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 2007. Т. 3, кн. 1. Другая палова XVIII – першая палова XIX ст. / А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. – С. 170 – 451.
5. Калнин, В. В. Городница – городской ансамбль XVIII века / В. В. Калнин // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1988. – № 4. – С. 34 – 36.
6. Jaroszewski, T.S. Architektura doby Oświecenia w Polsce: nyrtu i odmiany. – Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1971. – 342 s.
7. Morozow, W. Cechi klasycyzmu w planach posiadłości królewskich ekonomii grodzieńskiej końca XVIII wieku / W. Morozow // Klasycyzm i klasycyzmy: Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. – Warszawa: PWN, 1994. – S. 145 – 158.
8. Tatariewicz, W. Łazienki Warszawskie / W. Tatariewicz. – Warszawa: Arkady, 1972. – 286 s.
9. Смолина, Н. Идеальный город Шо и античная риторическая традиция: «говорящая архитектура» Леду / Н. Смолина // Архитектура мира. – Вып. 3: Материалы конф. «Запад – Восток: античная традиция в архитектуре». – М.: Architectura, 1994. – С. 71 – 79.
10. Sosnowski, O. Powstanie, układ i cechy charakterystyczne sieci ulicznej na obszarze Wielkiej Warszawy / O. Sosnowski // Studja do dziejów sztuki w Polsce. – Warszawa: Wydawnictwo Zakładu architektury Polskiej Politechniki Warszawskiej, 1830. – Т. 2. – S. 1 – 75.
11. Planta miasta JKMscl oraz dworu Krynek sporządzona Roku 1780 (ИАУЛ). – Фонд 201. – Оп. 4. – Д. 1680.

УДК 725.4

Морозова Е.Б.

ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В современном мире проблема охраны историко-культурного наследия уже достаточно разработана, в том числе и в Беларуси, хотя результатами проводимых в этом направлении исследований мы по-прежнему не удовлетворены. Это свидетельствует о нормальной реакции общества, поскольку деятельность человека по сохранению прошлого никогда не успеваает за стремящимся в будущее настоящим. Тем не менее, есть одна область зодчества, где вопросы охраны исторического прошлого решаются сегодня недостаточно.

Речь идет о промышленной архитектуре. И хотя среди всех сфер архитектурной деятельности она относится к самой молодой, трехсотлетняя история ее существования вполне обоснованно дает возможность рассматривать отдельные промышленные постройки как объекты наследия. Однако в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь среди 4578 объектов, официально признанных памятниками, только 46 являются производственными, а в советское время, когда такой Свод памятников был более емким и составлял 15769 единиц, среди них производственными были 39.

Если кратко проанализировать причины этого положения, то можно выделить объективные и субъективные причины. К объективным следует отнести такую особенность промышленных объектов, как территориальное и пространственное непостоянство. Изменяемость способов получения продукта и замена в связи с этим не только

оборудования, но и последовательности его расположения и прохождения технологических операций, вынуждают архитектурно-строительные объемы соответствовать изменениям. Это обуславливает постоянные перестройки зданий, что, конечно же, не способствует сохранению их первоначального облика, архитектурного замысла, композиционной логики. Кроме того, ярко выраженная утилитарная направленность промышленных объектов достаточно часто объективно препятствует их художественной выразительности.

К субъективным причинам следует отнести особенность восприятия промышленной области зодчества как материальной среды второго плана. Сложившиеся еще в XIX в. стереотипы такого восприятия сегодня действуют не столь однозначно, но их присутствие все же имеет место. К сожалению, понимание того, что «неофициальная архитектура», к которой относятся и промышленные постройки, отражает жизнь во времени и пространстве более показательно и полно, чем так называемая «официальная архитектура» государственных зданий, резиденций, значимых общественных построек, формируется пока только в профессиональной среде [1, с. 47].

Какие же объекты промышленной архитектуры могут быть идентифицированы в качестве историко-культурного наследия? Прежде всего следует отметить, что производственные постройки могут рассматриваться с двух позиций – как памятники архитектуры и как памятники индустриальной археологии, которая представляет собой науку, изучающую материальную среду индустриального периода развития общества [2]*. И если памятниками архитектуры промышленные постройки становятся достаточно редко в силу приведенных выше причин, то среди памятников индустриальной археологии их гораздо больше. Объясняется это тем, что объект индустриальной археологии более широкий, сюда входят не только производственные здания и сооружения, но и механизмы, станки, технологические и технические системы, промышленные ландшафты и т.д. А поскольку более широким является сам объект, то и его идентификация с точки зрения принадлежности к наследию требует большего количества критериев. И хотя существует достаточно много точек зрения на эти критерии, их содержание и форму, тем не менее, уже сложились основные группы, охватившие архитектурно-художественные критерии, градостроительные и исторические. Каждая группа включает характеристики, обозначающие одно из качеств объекта с точки зрения его историко-культурной ценности.

Так, к архитектурным критериям можно отнести характерность для своего времени архитектурно-пространственной композиции, применяемых конструкций и материалов; выраженность стилевых признаков, сохранность декора и художественных элементов фасада; сохранность внутренней среды: интерьера и технического оборудования; принадлежность к творчеству известного автора (архитектора, инженера) и наличие характерных признаков его творческого почерка; оригинальность архитектуры и типологическая новизна; уникальность объекта с точки зрения архитектуры, технологического и технического оснащения. Градостроительные критерии могут включать наличие градостроительной функции для города, района, площади, улицы; определение топонимики места. Исторические критерии – это связь объекта с важными историческими событиями; связь с биографией известных личностей; вклад в развитие промышленных технологий; идентификация времени (эпохи) или пространства (местности).

Из приведенных выше критериев следует, что принадлежность объекта к индустриальному наследию может определяться как его уникальностью, что соответствует принятым подходам при установлении памятника архитектуры, так и, наоборот, ординарностью объекта, его представительством типового, характерного для данного времени, отрасли и т.д. Последнее качество потому и применимо к наследию индустриальной эпохи, так как она в своей сути зиждется именно на массовом способе промышленного производства, основанном на серийности, повторении, унификации. Это, конечно, значительно расширяет возможности оценки промышленных построек с позиций историко-культурного наследия. Так что же может туда входить?

Перечень объектов должен охватить два пространственных уровня – объемный и территориальный. К первому можно отнести производственные здания и сооружения, а также производственные интерьеры. Идентификация таких объектов, выполненная с использованием системы критериев, позволяет установить принадлежность к наследию, а также продумать возможности их современного использования. Примером может служить складской корпус в Гданьске (Польша), который сегодня используется как атрактивный объект исторического центра. Он привлекает внимание туристов, напоминает о прошлом города, демонстрирует работу разгрузочного крана – огромного деревянного механизма, восстановленного в первоначальном виде. Еще один пример – водонапорная башня в Киеве (Украина), приспособленная под музей воды.

Есть пример переоборудования водонапорной башни под общественные функции и у нас в Республике, в Бобруйске. Ценным в использовании объемных объектов индустриального наследия является то, что они более свободно, нежели памятники архитектуры, допускают пристройки и частичные реконструкции.

Второй пространственный уровень, территориальный, представляет большое разнообразие объектов промышленной архитектуры. Это могут быть промышленные предприятия и их части; промышленные поселения (как самостоятельные градостроительные единицы, так и составляющие городов – рабочие поселки, железнодорожные колонии, рабочие кварталы); городские территории с преимущественно промышленной застройкой (в том числе набережные, отдельные районы, комплексы предприятий); рукотворные ландшафты горнодобывающих районов и их отдельные элементы. Безусловно, предложенный перечень объектов является широким и достаточно условным и требует региональной конкретизации, которая в совокупности с остальными необходимыми факторами и определяет своеобразие местного наследия промышленного зодчества.

* Индустриальная археология получила свое развитие в США и странах Западной Европы с 1950-х гг., в странах Восточной Европы – с 1980-х гг.

В этом плане хотелось бы обратить внимание на такой объект промышленной архитектуры, как предзаводская площадь. Следуя вышеприведенной классификации, ее можно отнести к части предприятия или части городской территории с преимущественно промышленной застройкой. До сего времени в Беларуси ни одна предзаводская площадь, даже если она представляла собой настоящий ансамбль, практически не была признана объектом архитектурного наследия, а уж тем более памятником архитектуры. Хотя предзаводские площади белорусских городов достаточно часто являлись важными структурными элементами их планировки, отличались значительными размерами, часто превосходящими размеры привокзальных, рыночных, центральных и других городских площадей.

Наличие относительно большого числа предзаводских площадей, имеющих единую с точки зрения стиля и времени возведения застройку и находящихся в центральных районах городов, является отличительной особенностью белорусской практики. Это объясняется несколькими причинами. Промышленный комплекс республики был сформирован в основном за время социалистического строительства. Однако большое количество предприятий в силу сложностей экономического развития региона разместились на старых производственных площадках кустарных промыслов XIX в., которые всегда имели центральное положение в городской планировочной структуре. Сегодня отдельные предзаводские площади, такие как площади минского тракторного завода, гомельской трикотажной фабрики «Восьмое Марта» представляют собой уникальные образцы промышленного зодчества. И отсутствие подхода к ним, как к возможным объектам историко-культурного наследия, не может уберечь их от неминуемой трансформации, вызванной уже начавшимися градостроительными преобразованиями.

Еще одним объектом, имеющим все основания в Беларуси рассматриваться с точки зрения историко-культурного наследия, является рабочий поселок, как разновидность промышленного поселения, принявшая в наших условиях своеобразную форму. Как правило, типичное промышленное поселение в истории архитектуры формировалось как самостоятельная градостроительная единица, отличающаяся от обычного поселения целым рядом признаков. В основе отличий лежало то, что промышленное предприятие обуславливало практически все в пространственном и временном существовании поселения – наличие и тесную взаимосвязь двух функциональных зон (промышленной и жилой), определение состава проживающих (заводские рабочие и члены их семей), планировочную организацию и, наконец, сам факт появления поселения. Связь с промышленным предприятием и ее влияние на архитектурную организацию поселения менялись в разные исторические периоды. В белорусской практике промышленное поселение появилось в XIX в., но ввиду достаточно слабого развития промышленного производства не получило широкого распространения вплоть до советского периода. Из ранних примеров самым интересным могло бы стать поселение при Добрушской бумажной фабрике, которое сегодня практически утрачено, хотя корпуса самой фабрики пока еще сохранились и, кстати, требуют скорейшей культурной идентификации, чтобы и самим не кануть в лету.

Что же касается рабочих поселков советского периода, то их своеобразие в нашей практике заключается в том, что строившиеся как самостоятельные территориальные образования, они в то же время предусматривали включение и кооперацию с планировочными структурами приближающихся к ним городов, рядом с которыми они и возводились. Поэтому рабочий поселок часто выступал не как промышленное поселение, а как относительно обособленный район города.

Характерным примером является рабочий поселок Минского автомобильного завода, строительство которого началось одновременно с заводом в 1945 г. [3]. Особыми условиями формирования рабочего поселка стало его возведение не на пустом месте, как это было принято при строительстве таких объектов. Осваиваемая площадка завода граничила с участком расквартирования кавалерийского и артиллерийского полков, в связи с чем отдельные фрагменты планировочной структуры военного городка и некоторые из построек, в частности казармы, вошли в рабочий поселок. В архиве Минского автомобильного завода сохранились первые послевоенные фотографии трехэтажных зданий – бывших казарм, с водонапорной башней на втором плане.

К 1954 г. сложилась первая часть рабочего поселка, композиционной осью которого стала улица Центральная. Она формировалась строчной застройкой четырехэтажными жилыми зданиями и двухэтажными зданиями столовой и гостиницы. Предполагаемое последующее вхождение рабочего поселка в пространственно-планировочную структуру Минска было учтено строительством нескольких достаточно хорошо декорированных домов, фланкирующих выход улицы Центральной на Могилевское шоссе, которое являлось продолжением одного из важных транспортных диаметров города. Эти здания были выполнены в стилистике классицизма, разработаны масштабно, с крупной прорисовкой деталей, их градостроительная значимость акцентирована угловыми башнями. Именно этими зданиями и построенным в это же время сквером пространственно формировался композиционный центр, который оказался не в его середине, а на окраине.

Вторая часть рабочего поселка начала строиться в 1953 г. по другую сторону Могилевского шоссе и состояла преимущественно из двухэтажных жилых домов. Широкое применение получил 8-квартирный дом по проекту архитектора А. Великанова. Его объем имел сбалансированные пропорции, фасад украшался портиком, в торцах здания в обоих этажах были расположены достаточно просторные веранды, и портик и веранды украшались колоннами тосканского ордера. Дома были сомасштабны формируемым ими дворам, уютно размещались среди зелени. Однако здания, выходящие на Могилевское шоссе, были более представительными и более масштабными, и это так же отражало взгляд проектировщиков в будущее, на то время, когда рабочий поселок должен был органично войти в планировочную структуру Минска. В последующие годы, как и следовало ожидать, это и произошло.

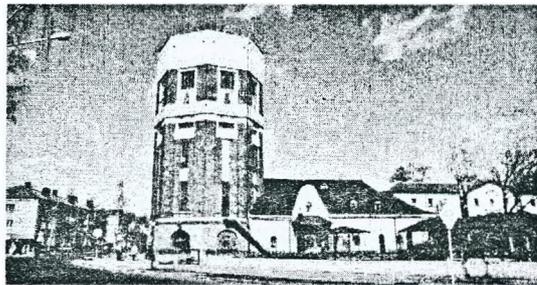
Уникальность рабочего поселка минского автозавода, как и других аналогичных районов города, например, тракторозаводского поселка, состоит в общей органичности. Эти объекты целостны, узнаваемы в любой своей точке

и, что очень важно, пока еще практически не тронуты временем, не разрушены. Именно двойные задачи при строительстве – обеспечение самостоятельности и одновременно последующее вхождение в город на правах его части, района – позволяли рабочим поселкам существовать как бы автономно и тем самым оставаться без изменений.

За прошедшие годы связь рабочих поселков с заводами, которым они обязаны своим появлением, практически перестала существовать. Хотя потомки заводских рабочих и сегодня продолжают жить в отдельных квартирах, но большей частью они не являются работниками заводов. Да и пространственно заводы давно уже отгородились от своих жилых районов, предзаводские площади потеряли функциональное назначение, превратившись в обычные городские площади, подлежащие реконструкции в связи с изменившимися социальными, функциональными и транспортными задачами.

Строительные работы начинают приближаться и к самим рабочим поселкам. Притягательными для инвесторов они становятся из-за близкого расположения к центральным районам городов, масштабной застройки, высокой степени озеленения и нетрадиционных для сегодняшнего дня планировок квартир. Если не принять мер по оценке и охране отдельных рабочих поселков с позиций культурного наследия, то коренная реконструкция может стать последним действием в истории их существования. Тем более что рабочие поселки утратили своих главных владельцев, хозяев и одновременно защитников – промышленные предприятия.

Итак, рассмотренные примеры демонстрируют возможность промышленных объектов разного пространственного уровня представлять историко-культурное наследие республики в его материальных формах. Работу по идентификации таких построек нужно начинать. Это необходимо нам, нашим потомкам, и, наконец, это необходимо промышленной архитектуре и ее истории.



Водонапорная башня в Бобруйске

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lisowski, B. The map of industrial architecture – a systematic approach / B. Lisowski // Aspects on industrial architecture and engineering / International Council for Building Research, Studies and Documentation; International Union of Architects. – Helsinki: The Building Book Ltd., 1989. – P. 29–49.
2. Industrial archeology / <http://www.iarecordings.org/index.html>
3. Морозова, Е. Б. «Рабочий поселок» в городе как памятник промышленного строительства / Е.Б. Морозова, Л.В. Купрейчик // Індустріальна спадщина в культурі і ландшафт: матеріали Всеукраїнської наукової конференції, Київ, 23–26 травня 2007 р. // Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв / Відповідальний ред. Ю.Г. Тютюнік – Київ, 2007. – Випуск 4. – С.122–128.

УДК 72.036(476)(091)

Морозов Е.В.

НЕОКЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ 1920-30-х гг.

Архитектурное наследие сегодня рассматривается как национальное культурное достояние, сохранение которого является одной из важных задач государственной политики нашей страны в области культуры. Однако архитектурное наследие 1920–1930-х гг. до сих пор не в полной мере воспринимается общественностью как историческая и культурная ценность. Постройки двадцатилетия между первой и второй мировыми войнами сегодня далеко не все тщательно изучены и, соответственно, взяты под охрану.

А между тем, архитектура такого, казалось бы, малого временного отрезка представляет необычайно большой искусствоведческий интерес. Вряд ли можно найти в истории еще один столь непродолжительный период, в рамках которого развернулось такое стиливое разнообразие: «современная архитектура» (Modern Architecture), Арт Деко, конструктивизм или, как его все чаще называют, «русский авангард», неоклассицизм и пр. Примечательно, что в середине 1920-х гг. предпринимались попытки определить и национальные архитектурные черты. Все существовавшие тогда стили и направления в архитектуре составили интересную стиливую мозаику, которая из-за вхождения белорусских земель в состав разных государств формировалась в условиях противоположных экономических и, можно даже сказать, враждебных политических систем (формаций). Это непростое время в истории Беларуси наглядно отразила архитектура, причем не столько архитектура крупных знаковых зданий, сколько рядовая, массовая застройка. Одним из составляющих стиливой мозаики являлось классическое направление, на нем хотелось бы остановиться подробнее.